

ВЪ ПАМЯТЬ

О КНЯЗѢ ВЛАДИМИРѢ ФЕДОРОВИЧѢ ОДОЕВСКОМЪ.

ЗАСѢДАНІЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

13 Апрѣля, 1869 года.

МОСКВА. Въ типографіи "Русскаго".

1869.

Дозволено цензурой. Москва, 11 Іюня, 1869 г.

[OCR ImWerden](#)

ВОСПОМИНАНІЕ

о князѣ Владимирѣ Федоровичѣ Одоевскомъ.

1869 года, апрѣля 13.

И я долженъ присоединить свой листокъ къ тому вѣнку, который друзья Одоевскаго кладутъ теперь на свѣжую его могилу, орошенную ихъ искренними слезами.

Пятьдесятъ почти лѣтъ я находился съ нимъ въ близкихъ, короткихъ отношеніяхъ. Мы кончили курсъ въ одномъ году, 1821, -- я въ университетѣ, онъ въ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ имя его осталось на золотой доскѣ, съ именами: Жуковского, Дашкова, Тургенева, Мансурова, Писарева. {Первыми воспитанниками слѣдующаго выпуска были Шевыревъ и Титовъ.}

Но узналъ я его еще прежде, въ 19-мъ или 20 году, и именно здѣсь, въ засѣданіяхъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Я говорю -- здѣсь, въ отношеніи къ Обществу, но зала, гдѣ оно собиралось, была въ другомъ мѣстѣ -- въ домѣ университетскаго пансіона, на углу Тверской и Газетнаго переулка. Предсѣдателемъ Общества былъ тогда вмѣстѣ и директоръ пансіона, ректоръ университета. А. А. Прокоповичъ-Антонскій, воспитатель многихъ поколѣній русскаго дворянства.

Засѣданія, по духу времени, отличались особенною торжественностію. Старшимъ воспитанникамъ предсѣдатель поручалъ пріемъ посѣтителей. Какъ теперь помню я Одоевскаго: стройненькій, тоненькій юноша, красивый собою, въ узенькомъ фракѣ темновишневаго цвѣта, съ сенаторской важностію, которою и тогда уже отличалась привлекательная его наружность, разводилъ онъ дамъ, почтительно указывая имъ назначенныя мѣста, и потомъ останавливался съ краю фланговымъ наблюдателемъ порядка во время чтенія.

И начиналось чтеніе священнымъ псалмомъ Шатрова, который прочитывалъ съ трагическимъ напѣвомъ Кокошкинъ. За нимъ слѣдовало разсужденіе Мерзлякова съ громами противъ увлеченій романтизма, хотя сюда же Жуковский присылалъ сказку о Красномъ карбункулѣ и Овсяный кисель. Засѣданіе оканчивалось баснею Василя Львовича Пушкина, Малиновкою, или ей подобною, произносиמוю восторженно.

И все это выслушивалось въ благоговѣйной тишинѣ, принималось къ сердцу, вызывало жаркія похвалы! Доброе старое время, гдѣ ты, съ своими невинными мечтаніями, съ своими чистыми идеалами!

Всякое чтеніе въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности дѣлалось предметомъ живыхъ споровъ и сужденій у студентовъ и воспитанниковъ въ ихъ собраніяхъ. Русскій языкъ былъ главнымъ, любимымъ предметомъ въ пансіонѣ, и Русская литература была главною сокровищницею, откуда молодые люди почерпали свои познанія, образовывались. И въ этой школѣ образовался слогъ, развился вкусъ у Одоевскаго, равно какъ и у его товарищей, старшихъ и младшихъ.